Содержание

Моя девушка уехала в Барселону 7

Правила аквастопа 45

Услышанная молитва 95

Твоя первая рыбалка 125

Когда дрейфуют материки 143

Три маленькие трагедии 155

Почти 195

Раздраженная (Фиолетовые) 209

Три самых страшных слова 217

Письмо 233

Все, что она хотела промолчать о любви 243

Там, где они ждут нас 253

Моя девушка уехала в Барселону...

...и все, что от нее осталось, – этот дурацкий рассказ

Я сижу на самой середине пешеходной улицы со спущенными штанами. Сижу на унитазе. На брови надвинута шляпа белого цвета. Читаю книгу. Это биография Гийома Аполлинера. Возле меня останавливаются прохожие, смеются и обсуждают. Показывают на меня пальцами. Кидают монетки и щелкают фотоаппаратами. Некоторые норовят сфотографироваться бесплатно. Я не обижаюсь. Я только строго смотрю на таких людей. Мне нельзя говорить. Ведь я — мим.

Главная улица Барселоны называется Рамбла. И нас таких на Рамбле много. За те месяцы, которые я здесь сижу, перезнакомился почти со всеми, кроме нескольких человек.

А с Джиджи даже подружился. Джиджи — единственный испанец среди нас. Он изображает кентавра. Смастерил из папье-маше лошадиное туловище и ноги коня. В передние, лошадиные, он вставляет свои, а задние набиты поролоном. Затем крепит ремнями круп ло-

шади к своей спине и берет копье. Джиджи — золотой. А я — белый. Это здесь такая традиция: краситься краской и стоять неподвижно, будто памятник. А когда тебе кидают деньги, нужно оживать. Как-то реагировать, подмигивать, двигаться. Или танцевать, как Слава.

Слава — полька и фея. Сама малюсенькая, она надевает прозрачное пышное платье, увешанное яблоками, апельсинами и вишней. Слава красится в лазурные оттенки, а вот ягоды и фрукты у нее настоящие. Когда ей особенно нравится какой-то ребенок, она, танцуя, отрывает от себя что-нибудь и угощает малыша.

Но, конечно, у детей вызывают больший восторг Пират и Серебряный рыцарь. Они и стоят друг напротив друга. Эти двое ребят, они американцы, знают свое дело. Им не скучно. Когда на Рамбле мало прохожих, они могут перекурить и поболтать. Вот в такие технические моменты их и любят подлавливать туристы, щелкающие своими фотоаппаратами.

Еще у нас есть Пескадоро из Венесуэлы, который совсем не говорит по-английски. Он практически с нами не общается. Вечером забирает свои монеты и молча уходит. Пескадоро — вампир. Это самый простой перформанс. Мне кажется, что он даже костюм не готовит. Так и приходит в своем оборванном фраке. Только подкрашивает белым лицо. А красным рисует кровь под глазами и рот. Думаю, что он зарабатывает меньше всех. Я видел однажды Пескадоро в баре. Он молча пил в одиночестве чупито. Чупито — это такие маленькие шоты по двадцать пять грамм чего-то вкусненького и забористого. Я кивнул ему: «Ола, боэнос ночес!», а он даже не ответил. Может

быть, и не узнал. Но, скорее всего, все же узнал. Потому что как-то он полчаса стоял напротив меня и смотрел — видно, запоминал детали костюма.

Еще на Рамбле есть Самая Толстая Женщина, Робот, Велосипедист-Скелет, Грустный Поэт, Американский солдат во Вьетнаме (коричневого цвета), Гораций и Чубака из «Звездных войн». И еще разные ребята, которые иногда появляются, но, как только решают свои вопросы, сразу исчезают.

Но самая яркая звезда Рамблы — это, конечно, я. Так уж вышло. Еще бы: не каждый день встретишь человека, читающего на унитазе. У меня очень сложный костюм. Его трудно было сделать, зато теперь каждый день я готовлюсь всего-то за десять минут. Рано утром, когда еще не жарко, мы с Джиджи выгружаем из багажника его мини-вэна наши принадлежности. У меня — это сборный постамент и сам унитаз с трубой, бачком, цепочкой и ручкой. Ерш и туалетная бумага. В хороший день уходит от четырех до пяти рулонов. Еще дома я крашу белой краской ноги от трусов до лодыжек и кисти рук. И уже на месте гримирую лицо и шею. Мой костюм и котелок выкрашены изначально и навечно. Обложки книг я крашу по мере чтения. Самое неуклюжее — это, взобравшись на постамент, снять штаны и сесть. Но я наловчился, теперь управляюсь за три секунды.

Некоторые, я знаю, думают, что мы, мимы, почти нищие — на мелких монетках шикарно не проживешь. Это не так. В хорошие дни, бывает, можно заработать и пятьсот евро. Это намного больше, чем мне надо. Я сижу себе и читаю. Иногда поверх книги смотрю на людей. Они

неизменно улыбаются. И почти всегда смеются. И мне это очень нравится. Вот кто-то кидает монетку. Я медленно поднимаю голову, будто прислушиваюсь. Кидают еще одну — я делаю вид, что тужусь. Мимикрирую. Мне помогают еще монеткой. Я облегченно вздыхаю и блаженно улыбаюсь. Монеты сыплются, как наливные капли весеннего дождя у меня на родине. Тогда я беру рулон бумаги, медленно отрываю по перфорации несколько клочков и делаю то, что делают все люди, — подтираюсь. В эти моменты порой мне кидают и купюры.

Хотя иногда туристы лукавят, и потом мне приходится отбирать деньги всевозможных стран с иероглифами или арабской вязью. И что мне прикажете с ними делать?

Мои соотечественники очень любят кидать рубли. Они не стоят ничего, а звенят в ведерке перед постаментом, как полноценные евро. Я не очень люблю земляков. Они громко обсуждают меня, думая, будто их никто не понимает, и скабрезно шутят. Зато мне очень нравятся мусульманские женщины. Они ходят стайками, а при виде меня что-то оживленно щебечут друг другу и стыдливо хихикают. И еще они самые щедрые.

Пять с половиной месяцев назад я прилетел в Барселону в поисках Лены совершенно без денег. Я вообще первый раз оказался за границей, и мне повезло — дали визу сразу на полгода. Первые три недели я жил в дешевом хостеле в квартале Борно. Там в общем-то безопасно, но все же иногда лучше не ходить в одиночку ночью. Нет, у меня никогда не возникало проблем, но всегда, проходя по готическим лазейкам квартала, мимо курящих и по-

пивающих пиво марокканцев, я весь собирался и подтягивался. Делал независимое и уверенное лицо. А они еще, как назло, замолкали и провожали меня тяжелым взглядом. Жутковато. Готика и марокканцы. Это как если смешать текилу с джином.

Зато жизнь там почти ничего и не стоила. Готовили мы в номере. Да и соседи постоянно менялись. В основном студенты из разных стран, всегда веселые и пьяные. И слушают ту же музыку, что и я. Мне все это очень нравилось. Я понял, что мир огромный, разный и свободный. Совсем не такой, как дома в телевизоре. На самом деле у него почти нет границ.

А потом деньги закончились, и пришлось туго. Я даже пару ночей ночевал на пляже и ел остатки курицы гриль на рынке Бокерия. Вечером, когда рынок уже закрывался, хозяин кафешки выкладывал на заднем дворе несколько целых кур. Сегодня их уже никто не купит, а завтра они будут никому не нужны. Кур ел не только я, но и местные собаки и голуби. Собаки были очень дружелюбные и приходили не каждый день. Но вот голуби! Голуби меня удивили. Они стаей терзали курицу, оставляя только косточки. А я до сих пор удивляюсь: как же так? Птица Пикассо. Символ мира! Make love, not war. Как они могут клевать себе подобных? Да еще в чесночном соусе.

То время у меня ассоциируется с одной женщиной. Это было ночью. Дождливой ночью, что вообще редкость для этих краев. Я крался домой, она стояла возле бара. Пьяная и беременная. На вид животу было месяцев восемь. Она запеленговала меня метров за тридцать. Из бара доносился рэп на арабском. Она что-то говорила

мне по-каталонски. Тащила за собой. Поймала мою руку. Схватила крепко. А потом приложила ее к своему животу. Я так и не знаю, что же она хотела от меня. Просто денег или денег за секс? Я помню только возню, зародыш боксировал ее изнутри, я ощущал его ладонью. Помнится, я тогда подумал: «А ведь это и есть сама Барселона. Вечно пьяная, невменяемая и на сносях».

А потом простоял возле дома полночи. Под теплым дождем.

Если бы не Джиджи, мне бы пришлось совсем нелегко.

Я облюбовал лавочку как раз напротив него. Вечерами, когда толпа рассасывалась и туристы отправлялись исследовать ночные радости Барселоны, кентавр Джиджи отстегивал свой круп. Собирал вещи, аккуратно ссыпал деньги в кожаный мешок и с удовольствием выкуривал сигарету. Так мы и познакомились. Поболтали в первый вечер, во второй, а потом я к нему и переехал. Он как-то проникся моей историей.

Джиджи из очень знаменитой каталонской семьи, в которой всегда повторяют: Catalonia — is not Spain. Но в семье он не живет и презирает ее традиции. А родные и близкие, в свою очередь, считают его неуклюжим искривлением благородной кости кабальеро, но все равно очень любят и говорят, что двери дома для него всегда открыты.

Джиджи — гей. И он несколько раз даже приставал ко мне. Но я как мог объяснил ему, что это будет лишним. Что я не могу. Он очень славный и искренний. Даже немного жаль, что я не смог ему ответить. Честно говоря,

я пару раз пытался представить, как это я буду целовать Джиджи. Касаться его губами. Как он будет гладить меня и водить по спине рукой. Ничего не произошло. Я не возбудился. Мне не было неприятно. Мне было просто никак. Это не мое. И потом, ведь я люблю Лену.

Джиджи, хотя и все время повторяет, что от женщин ничего хорошего ждать не приходится, все равно мне помогает. Он рассказал про Дидье — французского хиппи, который и придумал этого человека с унитазом. Дидье радовал народ полгода, а потом уехал в еще более теплые края. Сейчас он иногда разговаривает с Джиджи по скайпу, и в окошечке на компьютере видно, как человек в наушниках с микрофончиком лежит в гамаке на фоне пальм и моря и передает приветы Барселоне. Так место человека с унитазом оказалось свободным, и Джиджи вспомнил детали костюма и нюансы персонажа. Более того, мы его существенно усовершенствовали. Так, например, у Дидье не было рулонов с бумагой. А у меня есть. Интересно, что придумает следующий парень? Тот же Пескадоро. Когда я уеду. А уеду я уже через две недели, когда закончится виза. За это время мне нужно найти Лену. И это обязательно произойдет. Не сомневаюсь.

«Но как мне ее искать»? — думал тогда я. Она уехала и не оставила ничего. Ни одного маячка, ни одной, как говорят детективы, зацепки. Лена такая.

Я полюбил ее в танце. Танцевать я в принципе не умею. Ну нет в моей программе такого файла. А тут друзья привели на ее праздник. Лена занималась тем, что устраивала вечеринки. Закрытые и не очень. Дорогие и не очень. Веселые и очень веселые. Постоянно при-

думывала что-то особенное. На свой день рождения она арендовала большую круглую кинопанораму. Это странное сооружение, оставшееся еще от Советского Союза. Там восемь кинопроекторов с гигантской ширины пленкой и старые документальные фильмы, которые транслируются на все пространство вокруг тебя. Самый свежий называется «Возьмите меня с собой, туристы». Он снят в 1987 году. Это все потому, что пришли новые технологии, и такое чудо стало никому не нужно. Как фотоаппараты «Полароид». Так вот, Лена арендовала эту панораму. Вокруг беззвучно открывали рты туристы возле костра с гитарами, а музыку играли диджеи, Ленины друзья. Их сменяли музыканты, тоже Ленины друзья. А потом артисты. У нее очень много друзей.

И еще она все время куда-то уходила и переодевалась. То в вечернее платье, то в блестящий костюм с синими погонами. А потом группа заиграла испанскую музыку, и Лена вдруг вышла в пышной цыганской юбке с веером. Она хватала попадающихся ей на глаза мужчин и танцевала с ними. Вот так я опрометчиво оказался на ее пути. Лена взяла меня за руку, потянула к себе, и я поплыл.

Я полетел.

Я начал танцевать!

И у меня это прекрасно получилось!

Это невероятно. Тела двигались синхронно, ловя малейшие нюансы ритма. Откуда у меня взялось это умение? Я вытанцовывал аккуратные шажки, ведя Лену вперед спиной, аккуратно и стремительно укладывал

ее на свою ладонь, будто в лодочку, затем понимал руку вверх и кружил под ней девушку, как юлу. Я потом не раз смотрел эти кадры, слава Богу, кто-то снимал. Так вот, это был не я. Это был какой-то бразилец, с детства танцующий сальсу в своих фавелах. Наконец Лена вынырнула из нашего тандема и стала отбивать чечетку с веером возле какого-то банкира, который встал перед ней на колено и хлопал в такт, держа галстук в зубах.

Я стоял обескураженный и восхищенный. Что же еще может делать такая женщина, рядом с которой вдруг у мужчин все получается?

Если такая женщина рядом — мужчина становится в тысячу раз легче и в миллион раз сильнее.

Он вдруг взлетает на параплане, спускается на сноуборде, ложится на иглы, совершает выгодные сделки, разжигает революции, заботится о детях, поднимает алые паруса на своей яхте, снимает свои лучшие фильмы, строит самые высокие дома, изобретает новые компьютерные программы, читает мысли, разбирается в винах и сигарах, забивает лучшие голы, побеждает быков на корриде, а соперников — на ринге.

Все это происходит только тогда, когда с тобой — она, настоящая женщина. Таких единицы. И если хоть однажды в жизни тебе повезло быть любимым такой женщиной, это значит только одно: ты жил. И жил по-настоящему. Теперь ты не имеешь никакого права жаловаться на судьбу. И еще это значит, что кому-то там, на небесах, ты очень понравился. Чем-то заслужил такой подарок. И эти небеса тебя поцеловали.

Лена любила меня одиннадцать с половиной месяцев и еще три дня. Чуть-чуть не хватило до года. А вместе мы были и того меньше. Она постоянно улетала. То в Америку, где устраивала какие-то пати. То в Лондон, то на разные острова. И у меня все так и было, как и должно быть с Музой. А именно:

Я совсем забросил институт, но с легкостью сдавал все зачеты.

Мы с другом начали маленький бизнес, связанный с Интернетом, и он неожиданно пошел.

Я записался на режиссерские курсы.

И еще я начал петь в душе.

Когда мужчина поет под водяными струями — у него все в порядке.

Вот только с моим загранпаспортом почему-то все затягивалось в МИДе, но я и не торопил. Я не хотел мешать Лене работать.

Ее мир мне очень нравился. В нем совершенно не было логики и какой-либо структуры. Одни лишь эмоции. И яркие друзья. Какие-то барабанщики из Судана, английский лорд, наследник империи печенья. Фотограф Матье, который обожал Москву и всегда останавливался у нас, когда приезжал. Сейчас у меня на стене висит сделанная им фотография. На ней маленькая темная девочка подбрасывает на берегу кальмара. Еще Лена дружит с дочкой президента Андорры. Ее зовут Ниэра, что переводится как «снег». Я несколько раз спрашивал Лену, где они

познакомились. Любопытно ведь. Она всегда уклончиво отвечала: «На какой-то вечеринке во Франции».

Лена старше меня на пять лет. Но она никогда не называла меня «Мой мальчик» или там «Малыш». Наоборот, что мне очень нравилось, своим друзьям она всегда представляла меня: «Мой парень» или «Мой мужчина».

Иногда Лена добавляла: «Я не могу им надышаться».

А еще она всегда воровала парфюм в магазинах дьюти фри. («Чтобы не потерять сноровку».) Иногда она привозила одеколоны и для меня. Разноцветные и наполовину пустые пузырьки с разными запахами.

Ее мир мне нравился, но я старался не жить им. Мне просто было дивно наблюдать его. И наблюдать себя, ощущать свою силу и всемогущество. Я упивался этим чувством. И было особенно здорово, когда наши с Леной настроения совпадали.

Мы могли часами хулиганить в блогах в каком-нибудь интернет-сообществе. Устраивать там провокации.

Пересматривать один и тот же фильм.

Играть за разные команды в пейнтбол.

Читать по очереди вслух.

И, конечно, танцевать.

Если уж мы шли на вечеринку, где танцуют, например, рок-н-ролл, то уж готовились к ней будь-будь! Лена повязывала голову косынкой в горошек, надевала сарафан, кеды и огромные очки в пол-лица. Я как-то тоже на-

пялил что-то смешное, но она, оценивающе оглядев меня, сказала, что мне точно не хватает джинсового пиджака. Мы тут же пошли в магазин, где и купили то, что нужно. Еще и нашейный платок впридачу. «Вот теперь — порядок», — сказала она, и мы танцевали до утра.

А потом она вдруг взяла и уехала. Так и сказала, что завтра улетает жить в Барселону. Что хочет солнца, что там хорошие условия для ее работы. И все это как ни в чем не бывало, своим обычным тоном. Я сначала и не поверил, мы даже в ту ночь занимались любовью. Но это было как-то особенно. Более подробно, чем всегда, что ли? Вот тогда я и понял, что она сейчас со мной прощается. Что она нисколько не шутила. Я сел на кровати и с ужасом спросил:

— Ты что, правда уезжаешь?

— Конечно.

— Я поеду с тобой.

Сказал это и уже знал, что она ответит.

А на следующий день, когда я вернулся домой, ее уже не было.

Она забрала всю себя, включая ватные палочки для чистки ушей.

Ни записки, ни нового номера телефона. На мои имейлы она не отвечала.

Вот я и приехал сюда.

Все это я рассказывал Джиджи на крыше его дома.

Он живет в районе Барселонета. Такое нежное название, как будто синьорита. Юная девушка. Хотя район один из самых старых в городе. Он так и остался рыбацким, каким всегда и был. Здесь много ресторанчиков, больших и маленьких, иногда даже всего на два столика. Все эти заведения семейные, и через какое-то время ты уже будто принадлежишь их фамилии. Прямо под нашим домом есть ресторан Cal Doka, его хозяин, Дока — смешной хрипатый старикан. Бывший морской офицер. Его заведение как раз не семейное. Дока всю жизнь прожил один, о чем всегда с удовольствием рассказывает: «Баб нельзя подпускать к себе близко, Чико. Ближе, чем на толщину кожи». Дока сам нас обслуживает. А готовит его бывший кок. Иногда сюда приходит поиграть на раздолбанном корабельном пианино музыкант с вечно подбитым глазом.

Столько рыбы, как в эти дни, я не ел никогда.

С крыши Джиджи видны с одной стороны море и огни кораблей, а с другой стороны — столпы-пирамиды, овалы гостиниц и памятник Колумбу. А еще Джиджи обратил мое внимание на удивительное смешение не только картинки, но и звуков. Здесь очень грозно волнуется море, и одновременно со стороны города доносятся рев мотоциклов, крики болельщиков «Барсы» и ритмы барабанов и труб уличных оркестров.

Джиджи любит здесь перед сном подымить косячком. А я не очень. Но все же в тот, первый вечер, покурил с ним. Мне нужно было выговориться. Так мы и лежали под звездами. Слушали дыхание Барселоны и рассказывали друг другу истории о любви. Он — о своей. А я — о Лене.

— И что, ты собираешься ее здесь найти?

— Да.

— Ну а если найдешь, что ты ей скажешь?

— Даже не знаю, Джиджи. Я точно приехал сюда не для того, чтобы ее вернуть. Не для того, чтобы спросить, почему она уехала. Хочу просто посмотреть на нее и поговорить. О чем получится. Я ведь не репетировал наш разговор. Пусть он будет таким, каким будет. Он нужен, я это чувствую.

— Это не я наркоман, а ты. Лена — это твоя травка. Тебе от нее хорошо. И ты хочешь повторять ее снова и снова.

— Не знаю. Уже прошло несколько месяцев с тех пор, как ее нет со мной. И я не то чтобы сильно страдаю. Я знал, что будет больно. Но не знал, что так терпимо. Честно говоря, я с первой же минуты знал, что с такой, как она, будущего быть не может. Поэтому, наверное, был готов. Она, как комета, освещает тебя на время и летит себе дальше. Я все это понимаю. Кроме одного. С кем я прожил почти год? Что это за человек? Из чего состоит то вино, которое я пил? Мне не хватает нескольких деталей… Кажется, Лена представляет собой не совсем то, что я себе придумал…

— Тогда тебе нужно на Рамблу. Там рано или поздно проходят все жители города. Давай ты будешь работать со мной. Там самый большой шанс увидеть ее.

Мы покурили еще и долго-долго лежали. Было тепло. Город уже поутих, а море, наоборот, разволновалось.

Джиджи признался, что часто представляет себя героем фантастического рассказа, который сам и придумал. Будто бы ему в руки попал секрет водородного топлива. Теперь от него зависит внедрение в жизнь революционного будущего. Когда человечеству больше не нужна будет нефть. И люди свои автомобили будут заправлять водой. Но, конечно, это приведет к катастрофе самые крупные компании мира. И тогда на него начнут охоту нефтяные магнаты Техаса. Русские разведчики. Иранские киллеры. Никому ведь не хочется лишаться власти.

— И вот тут, — говорит Джиджи, — начинается самое интересное. Я представляю, как прячусь в какой-нибудь маленькой спокойной стране. Тихо покупаю там незаметный заводик и начинаю производить… Еще не знаю что. У меня работают самые надежные люди, как у капитана Немо. Помнишь? Для его «Наутилуса» производили детали в разных уголках планеты. А собирал он подводную лодку в секретном месте именно с такими людьми.

— А откуда ты берешь деньги на производство?

— Их мне жертвуют богатые люди… Те, у кого нет наследников. Ну, знаешь, они находят меня сами секретными, странными путями. Они хотят поменять все к лучшему. И знают, что я с этим справлюсь. И вот обо мне все-таки узнают нефтебароны. Они уже рядом. И… дальше я еще не придумал. Мне вот пока больше интересно само производство…

— Знаешь, тогда тебе просто необходим мой замедлитель времени.

— А что это такое?

И я ему рассказал, что тоже часто фантазирую. У меня вдруг оказался замедлитель времени. Это такой приборчик с кнопкой. Нажимаешь на нее, и время останавливается для всех. Но не для тебя. Джиджи рассмеялся. Мы стали тут же вместе придумывать, как его использовать. Во-первых, можно было бы хорошенько высыпаться и ничего при этом не упускать. Еще у нас всегда бы были деньги. Мы их забирали бы, конечно, исключительно у отъявленных негодяев. Еще можно было бы подробно рассматривать девушек. («И парней!» — добавил Джиджи). Мы бы предотвращали катастрофы и доставляли бы неожиданную радость хорошим людям. Смотрит девочка через витрину на куклу. Хлоп! А она уже у нее в руках. Или как в телестудии замершему диктору новостей меняем в прямом эфире текст.

Мы представили, как нас останавливает в Борно банда марокканских головорезов. Мы — раз! И замедляем время! И вот уже их, застывших, раздеваем догола. Разрисовываем нитроэмалью. Вместо ножей вставляем им в руки баклажаны. И поворачиваем друг к другу лицом. Раз — нажинаем кнопку опять! Мы с Джиджи корчимся от смеха, представляя все это, и я ему предлагаю свой прибор:

— Возьми его себе. Тебе он очень пригодится в борьбе с русскими разведчиками.

— Нет, — очень серьезно ответил Джиджи, — для одной истории двух фантастических изобретений слишком много.

Так мы и подружились.

Так я стал мимом.

Так с тех пор я каждый день, сидя на своем постаменте, всматривался в тысячи лиц, пытаясь разглядеть среди них Ленино.

И сегодня это произошло.

Вокруг меня, как всегда, толпа прохожих. Фотографируют. Со вспышками и без.

Сначала я увидел даже не ее, а высокую азиатскую девушку. Невероятно красивую. Но не такой плавной розовато-голубоватой красотой, которая бывает на рисунках, изображающих гейш. А с очень современными чертами лица. На ней были джинсовые шорты и майка. Акулий зуб на кожаном шнурке поверх топика. Именно такие девушки мне и нравятся. Я думаю о том, что запросто мог бы ее полюбить. Она обнимает за талию… Лену?!

Точно, это она. Родная улыбка. Брови вразлет. Волосы только немного состригла. Я еще помню запах ее духов и кожи. Девушки смотрят на меня и смеются, впрочем, как и все вокруг. В это время какой-то мужчина, подбадривая, посылает своего сынишку кинуть монетку в мое ведерко. Она звякает, и малыш испуганно бежит назад. Я, как обычно, приподнимаю котелок в знак благодарности. Узнала? Конечно же, нет. Она и предположить не может, что я могу быть здесь. Что же делать? Я действительно не репетировал нашу встречу. Ко мне направляется с монетой пятидесятилетняя женщина. Ее подруга приготовилась фотографировать. Еще немного, и Лена уйдет. Уйдет. Вот этот момент. Я его так ждал. Женщина прибли-

жается, глядя мне в глаза, как дети смотрят в глаза клоуну. Я прячу свои в книге. Гийом Аполлинер говорит мне:

Хочу тебя взнуздать! И мне так часто снится,
Что триумфальная грохочет колесница,
И что в мои стихи вцепился хваткий Рок,
Как в вожжи, свитые из лучших в мире строк.

Какой бред! При чем тут вообще колесница? Нет, он не помощник. Остановить ее:

— Лена!

Я впервые за свою карьеру поднимаюсь с унитаза. На секунду забываю, что брюки спущены, но потом их подтягиваю. Схожу с постамента. Лена ищуще, не понимая, осматривается вокруг. Ее спутница, удивленно смотрит на нас. Зрители думают, что все так и должно быть. Я иду прямо к Лене. Беру ее за руку. Она…

Вот ради таких моментов, наверное, и стоит жить. Ты видишь все полудвижения глаз, губ, бровей. Видишь, как расширяются ноздри и сужаются зрачки, как непонимание переходит в удивление, а удивление в шок.

Правда, сейчас вышло чересчур.

Лена упала в обморок.

И еще в такие моменты я почему-то всегда возвращаюсь в прошлое. Это очень странно. То есть одновременно происходит вот что: я бегу с ней на руках к ближайшей аптеке, а представляю в этот миг нас с Леной в Москве, год назад. Будто мы попросили показать нам будущее. И вот мы сидим на диване и смотрим на эту картину.

По оживленной и явно заграничной улице бегу весь в белой краске и в котелке я, а на руках у меня Лена. Ее же руки колышутся, как спиннинги в руках нетерпеливых рыболовов. Вот бы мы удивились. Вот бы озадачились. Гадали бы, что да как.

Дальше — суета. Брызги воды на любимое лицо. Испуганная аптекарша. Нашатырь. Ленина подруга-азиатка яростно оттаскивает меня от нее, когда я расстегиваю на ней блузку. Джиджи отбирает ведерко с моими деньгами у Пескадоро, который подсуетился, пока меня не было. Кентавр дерется с Вампиром. Да уж, у кого-то будут самые лучшие фотографии из поездки в Испанию. Я отпаиваю Лену мятным чаем в кафе. Она успокаивается. Затягивается сигаретой. (Раньше она не курила.) И — слова-слова-слова. Много и ни о чем. Мы договариваемся встретиться вечером в ресторанчике у нашего дома.

***

Дока сегодня расстарался. Ведь у нас, его друзей — гости. Для нас освободили самый лучший столик. Пианист опять попал в какую-нибудь переделку. К синяку у него добавился еще и сломанный нос. Рядом с ним, на полу, бокал вина, и он играет что-то психоделическое. Узнается Шопен, но это какой-то неврастеничный Шопен, странный, дикий Шопен, Шопен в Афганистане, на Луне, Шопен, перебравший в Перу айяуаску.

Со стороны мы, наверное, выглядим двумя счастливыми парами. Джиджи сразу сошелся с Леной. У них оказалось огромное количество общих тем. Что странно, никогда ни с ним, ни с ней мы эти темы не поднимали.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru